

УДК 94(47)063, 065, 066; 94 (574); 94 (575.1)
DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.08

Почекаев Роман Юлианович

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор
Высшая школа экономики
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: pochekaev@hse.ru; orcid: 0000-0002-4192-3528

ХИВИНСКИЙ ФАКТОР РОССИЙСКО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVIII–XIX ВВ.

Часть 1: Казахские ханы на троне Хивы

Аннотация. В статье анализируется позиция Российской империи в отношении казахских ханов и султанов, претендовавших в XVIII в. на престол Хивинского ханства. Первоначально проблема заключалась в том, что, формально будучи российскими вассалами, казахские правители претендовали на ханство, находившееся в сфере влияния Персии, с которой Россия не собиралась портить отношения. В дальнейшем борьба казахских правителей за Хиву стала оказывать влияние на ситуацию в Казахской степи, что также беспокоило Россию, стремившую ее стабилизировать.

Ключевые слова: Российская империя, Казахская степь, Хивинское ханство, Персия, международные отношения в Центральной Азии XVIII в.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Pochekaev Roman Yu.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Higher School of Economics
Saint Petersburg, Russia
E-mail: pochekaev@hse.ru; orcid: 0000-0002-4192-3528

**THE KHIVAN FACTOR OF RUSSIAN-KAZAKH RELATIONS
IN XVIII–XIX CENTURIES****Pt. I: Kazakh khans on Khiva and the point of Russia**

Abstract. The article is an analysis of point of the Russian Empire towards the claims of Kazakh khans and sultans for the throne of the Khanate of Khiva. Firstly the problem was that Kazakh rulers who were Russian vassals claimed for the khanate which was under the Persian control, and Russia didn't want to worsen relations with Persia. Later the fight of Kazakh rulers for Khiva influenced on the situation in the Kazakh Steppe where as Russian authorities tried to stabilize it.

Keywords: Russian Empire, Kazakh Steppe, Khanate of Khiva, Persia, international relations in the Central Asia of the 18th c.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 19-18-00162) implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

Введение. Отношения потомков Чингис-хана, правивших в многочисленных государствах Центральной Азии, возникших после распада Монгольской империи, отличались запутанностью династических, генеалогических и политических взаимосвязей. С этой запутанностью пришлось столкнуться представителям Российской империи в процессе ее продвижения в регионе. Поэтому неудивительно, что события в одном из тюрко-монгольских государств Центральной Азии могли существенно влиять на отношения российских властей с правителями других народов или государств региона.

В данном исследовании предпринимается попытка проследить, в какой мере события в среднеазиатском Хивинском ханстве оказывали влияние на развитие отношений российских центральных властей и пограничной администрации с правителями Казахской степи. Первая часть исследования посвящена анализу периода 1740–1790-х гг., когда казахские ханы находились на троне Хивинского ханства, причем далеко не всегда соотнося свои действия при вступлении на трон и в процессе дальнейшего правления с позицией российских властей.

Информация о правлении казахских ханов в Хиве содержится в сочинениях восточных авторов (персидские историки Мехди-хан Астрабади и Мухаммад Казим, хивинский придворный Мунис), записках российских современников,

побывавших в Казахской степи и Хивинском ханстве рассматриваемого периода (Д. Гладышев, И. Муравин, Г. Тебелев, В. Копытовский, Д. Рукавкин, П. Чучалов, Я. Гуляев, Е. И. Бланкеннагель), а также в официальной переписке российских центральных и региональных властей с представителями казахской правящей элиты.

Сведения о правлении представителей казахского ханского рода в 1720–1790-х гг. в Хивинском ханстве неоднократно привлекали внимание исследователей. Этот период нашел отражение в работах по истории Хивинского ханства и русско-хивинских отношений [1; 3; 23; 24], общей истории народов Приаралья [4], конечно же, в исследованиях по истории Казахстана и русско-казахских отношений [2; 12; 32] и др. Некоторые авторы посвятили специальные работы генеалогии и хронологии правления казахских ханов в Хиве [33; 36, с. 619–620] и отдельным эпизодам — в частности пребыванию на хивинском троне Абулхаира [34]. Однако, насколько нам известно, вопрос о влиянии правления в Хиве казахских ханов именно на русско-казахские отношения до сих пор специально не исследованы.

Основная часть. В рамках данного периода достаточно четко выделяются три этапа пребывания казахских ханов и султанов на хивинском троне, которые мы и намерены поочередно проанализировать в контексте развития русско-казахских отношений.

Персидское владычество (1740–1747). Первоначальные планы Российской империи использовать казахских правителей как орудие распространения имперского влияния на Хиву имели место в 1730-х гг., т. е. в первые годы после принятия в российское подданство ряда казахских родов и племен во главе с Абулхаиром, ханом Младшего жуза. Наиболее четкое выражение эти намерения нашли в так называемом «проекте» первого оренбургского начальника И. К. Кирилова, который вслед за Петром I видел в завоевании Хивы первый шаг на пути в Индию, которая представлялась российской правящей элите весьма привлекательным торговым партнером. Согласно предложениям Кирилова, для реализации этих планов даже не понадобится участие российских войск: хан Абулхаир, сможет осуществить ее захват своими силами [20, № 9, с. 26–27]. Основанием позиции оренбургского начальника стали заявления самого хана, который еще в процессе переговоров о вступлении в российское подданство озвучил имперскому представителю А. И. Тевкелеву свое намерение захватить Хиву [18, с. 179–180; 34, с. 67].

Императрица Анна Иоанновна одобрила предложения И. К. Кирилова, приказав «в том ему (хану. — *Р. П.*) не токмо не мешать, но и поощрять, токмо наших собственных войск в помощь на Хиву не давать. Но помогать ему порохом и ружьем, также и людьми, где потребно будет, только такими, которые из башкирцов и татар выберутся охотники» [16, № 51, с. 116;

см. также: 2, с. 103; 4, с. 33; 8, с. 68–69; 18, с. 188]. Есть все основания полагать, что подобное распоряжение объяснялось свежей памятью о трагически завершившейся экспедиции кн. А. Бековича-Черкасского в 1716–1717 гг., а также отсутствием достаточной информации о ситуации в Хивинском ханстве, несмотря на периодический обмен с ним посольствами (см.: [8, с. 50 и след.]).

Однако планы российских властей перечеркнула завоевательная деятельность Надир-шаха (1736–1747), который после победоносного похода на Индию в 1739 г. решил подчинить своей власти также и Туркестан, т. е. среднеазиатские ханства. И если Бухара в лице хана Абу-л-Файза и всесильного временщика Мухаммад-Хаким-бия Мангыта сразу признала вассальную зависимость от персидского шаха, то хивинский хан Ильбарс III решился оказать ему сопротивление, закончившееся, впрочем, его гибелью.

Ильбарс принадлежал к казахскому правящему роду и, более того, приходился двоюродным братом вышеупомянутому хану Абулхаиру, который, по некоторым сведениям, даже готовился присоединиться к нему для совместной борьбы против персов [10, с. 190–191; 34, с. 68–69]. Неудивительно, что хивинская знать именно его пригласила на освободившийся трон после гибели родича.

Эти события совпали с отправкой в Младший жуз российской миссии Д. Гладышева и И. Муравина, которые, узнав об отъезде Абулхаира в Хиву, были вынуждены последовать за ним. Принимая русских дипломатов, хан заявил: «Я благодарю бога, что теперь Хива в подданстве е. и. в. и я в оной ныне ханом», — однако Д. Гладышев в своем отчете не преминул отметить, что «сидячия при нем старшины молчали и ничего не говорили» [16, № 76, с. 178; 21, с. 59; 10, с. 192; 16, № 69, с. 133]. Таким образом, Абулхаир старался продемонстрировать, что, заняв хивинский трон, действует в российских интересах, что не вызвало горячей поддержки хивинской знати¹.

Более того, и сама Российская империя в данный период совершенно не стремилась к реализации своих прежних планов по присоединению Хивинского ханства. Дело в том, что всего за несколько лет до воцарения Абулхаира в Хиве российским дипломатам удалось не без труда заключить мир с Надир-шахом (Гянджийский договор 1735 г.), причем, согласно его условиям, России даже пришлось вернуть Персии практически все территории, которые были завоеваны во время победоносного Персидского похода Петра I (1722–1723) [5, с. 46 и след.; ср.: 38, р. 226; 39, р. 84–86]. В связи с этим заявление Абулхаира могло повлечь крайне негативные последствия для последующего развития русско-персидских отношений.

Именно поэтому Россия была готова вести переговоры с Персией не только по поводу своих кавказских, но и центральноазиатских владений, правда,

¹ Еще в 1731–1732 гг. Абулхаир несколько раз направлял своего сына Нурали в Хиву, чтобы склонить ее к принятию российского подданства, однако ему было сказано, что он «волю имеет в киргис-кайсаках, а в Хиве-де ему воли нет, и здесь-де в Хиве слушать его, Абулхаир-хана, никто не будет, и он-де затеял безделицу» [15, с. 103; 16, № 37, с. 90; № 40, с. 95–96; см. также: 4, с. 103; 33, с. 285].

исключительно в отношении Казахской степи (территорий Младшего жуза), а никак не Хивинского ханства. Однако Абулхаир, в рамках «личной унии» соединивший власть над казахским Младшим жузом и Хивой, спутал все карты российским властям: узнав о приближении Надир-шаха к Хиве, он выслал ему навстречу посольство во главе с И. Муравиным, которому поручил от имени императрицы Анны Иоанновны заявить, что Абулхаир является российским подданным и что, если Надир-шах намеревается быть в мире с Россией, ему следует воздержаться от взятия Хивы [16, № 74, с. 170–171; см. также: 4, с. 62; 13, с. 79].

Надир-шах, несомненно, также понимавший сложившуюся ситуацию и разделявший позицию российских властей (вероятно, доведенную до него на переговорах в 1735 г.), со своей стороны, также готов был признать Абулхаира полноправным владельцем Младшего жуза, но при этом — своим вассалом на троне Хивинского ханства. В ответ на переданные ему российскими дипломатами слова хана он пригласил его на личную встречу, заявив: «как е. и. в. изволит его жаловать, так и я его жалую» [22, с. 84]. В результате могла сложиться ситуация, что Абулхаир превратился бы в «двоеданца»², имевшего обязательства как перед Россией, так и перед Персией. Некоторые исследователи полагают, что, выдвинув такие условия, Надир-шах заранее предполагал, что Абулхаир на них не согласится, желая таким образом удалить амбициозного казахского правителя из Хивы. В таком случае его намерение было достигнуто: хан заподозрил ловушку и бежал из Хивы, которая вскоре была захвачена Надир-шахом, который возвел на престол некоего Мухаммада Тахир-хана. Персидский правитель, довольный уступчивостью России в отношении Хивы, продемонстрировал свое дружелюбие, освободив нескольких русских пленных и даже выделив им некоторые средства, чтобы добраться до российских владений [13, с. 79–80; 16, № 76, с. 179; 18, с. 202; 32, с. 55–56].

Абулхаир не пожелал смириться с утратой Хивы. Воспользовавшись недовольством хивинцев по поводу засилья персов в ханстве при марионеточном хане, он сумел сначала возвести своего старшего сына Нурали на трон Аральского владения³, а затем вступил в переговоры с хивинской оппозицией персам. Согласно сведениям русского разведчика капитана Г. Тебелева, весной 1741 г. Нурали во главе соединенных сил Аральского владения и туркменских племен подошел к Хиве, ворота которой ему открыли его городские союзники. Тахир-хан бежал и вскоре был убит, а сын Абулхаира воцарился в ханстве [27, с. 220]. Воспользовавшись ослаблением позиций персов в Хиве, российская пограничная администрация направила к Нурали миссию во главе

² Феномен «двоеданничества» был широко распространен не только среди казахских, но также и сибирских кочевых подданных России, чему посвящена специальная исследовательская работа [7].

³ Формально являясь частью Хивинского ханства, это полуавтономное владение периодически выступало против центральных властей Хивы и провозглашало своими независимыми владениями претендентов на хивинский трон (см. подробнее: [25]).

с тем же Д. Гладышевым, который вез новому хивинскому хану «присяжный лист» для подписания и тем самым передачи Хивы в российское подданство. Тем не менее обстановка складывалась таким образом, что дипломат не осмелился сам направиться к Нурали, послав вместо себя своего спутника-казаха, однако никакого ответа из Хивы не последовало [10, с. 199–200; 13, с. 80–81].

Дело в том, что вскоре персы вновь перешли в наступление и, в свою очередь, заставили Нурали бежать из Хивы. Ни он сам, ни его отец не собирались отказываться от претензий на власть над этим среднеазиатским ханством, — более того, с некоторого времени они стали рассматривать восстановление контроля над ним как возможность выйти из подчинения России. Д. Гладышев сообщал, что во время пребывания в кочевьях Абулхаира, слышал, что «оной хан думал, между прочим, акиб разговаривал, что когда он в Хиве ханом застанет, то б от подданнова е. и. в. отложится» [16, № 76, с. 182; 34, с. 72]. Его бывший спутник, прапорщик И. Муравин, побывавший в казахских кочевьях в марте 1743 г., также отмечал в отчете по итогам поездки, что Нурали более заинтересован в хивинских делах, нежели в поддержании своего статуса российского вассала [16, № 108, с. 277].

Персы возвели на престол в Хиве своего очередного ставленника (примечательно, что им стал Абу-л-Гази II, сын убитого персами же Ильбарса III), однако это не стабилизировало положения в ханстве. Очередной российский разведчик, капитан В. Копытовский в июле 1745 г. сообщал из туркменских кочевий: «А ныне что де в Хиве делается, того не знаем», — упомянув, впрочем, что при марионеточном правителе имеется также «персидский хан», действующий на основании «шаха указа» [27, с. 232; 28, № 41, с. 76; ср.: 6, с. 211]. Не желая и далее рисковать отношениями с Персией, Коллегия иностранных дел Российской империи 10 октября приняла решение признать Хиву частью персидских владений и выстраивать политику пограничных властей соответствующим образом. В результате, когда в 1745 г. хивинский посол Хаджи-Мухаммад Турсунов прибыл в Астрахань, местная администрация отправила его обратно, не вступая в переговоры, заявив, что Хива не является самостоятельным государством [13, с. 81]. Аналогичным образом, когда Абулхаир в том же году сообщил оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву, что его сын Нурали вновь приглашен на хивинский трон, администратор постарался отговорить его от принятия приглашения. Однако хан и его сын упорствовали, и лишь письмо супруги Нурали (до сих пор томившейся в Хиве после бегства супруга в 1742 г.) заставило их отказаться от своих намерений: она написала, что приглашение ему — это ловушка, которую готовят персы с целью его убийства [9, с. 97; 18, с. 211; 19, № 41, с. 130–131; № 45, с. 135].

Таким образом, в период персидского владычества в Хиве не приходится говорить о какой-либо попытке российской колонизации ханства руками казахских ханов и султанов. Тем не менее нельзя не согласиться с доводом И. В. Ерофеевой, что пребывание хана Абулхаира и его сына на троне

Хивы в этот период могло способствовать укреплению позиций его семейства в ханстве, что нашло отражение в пребывании на хивинском троне целого ряда его потомков: сына Ерали (1748, 1750), внуков Болекея (1770), Агыма (1770–1772) и Артук-Гази (1774–1775) [12, с. 334, 393; ср.: 3, с. 63; 4, с. 67]. Однако это произошло уже во время следующего этапа пребывания казахских правителей на хивинском троне.

«Игра в ханы» (1750–1770). Гибель Надир-шаха в 1747 г. привела к крушению его империи и утрате контроля над вассальными государствами, в том числе над Хивинским ханством, вновь вернувшем независимость. Однако вместе с тем началась настоящая чехарда в результате постоянных смен на троне ханов из различных ветвей казахских и узбекских Чингизидов, которую персидский историк XIX в. Абд ал-Карим Бухари метко назвал ханбази, т. е. «игрой в ханы» [40, р. 180]. Однако тот факт, что среди приглашавшихся на престол были казахские ханы и султаны, официально числившиеся в российском подданстве, заставил Коллегию иностранных дел 13 августа 1750 г. отменить прежний указ и восстановить полноценные отношения с Хивинским ханством как самостоятельным субъектом международных отношений, а также предписать оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву признавать ханов Хивы и всячески стремиться к расширению торговли с ней [9, с. 96–97; 13, с. 83; ср.: 24, с. 453–454]. Таким образом, Россия вновь показывала, что не намерена устанавливать политический контроль над Хивой [23, с. 48; 34, с. 73].

Первым казахским ханом, вступившим на престол Хивы после изгнания персов, стал Каип, сын султана Батыра, одного из правителей Младшего жуза, номинально признававшего российское подданство. Как верный сын, он стал настаивать на том, чтобы торговцы из Хивы и в Хиву вели караваны через владения султана Батыра, тем самым желая обеспечить своему отцу дополнительный доход. Естественно, имперская администрация не могла выполнить это требование, поскольку делала ставку на Абулхаира и его сына Нурали [9, с. 98–99; 18, с. 226]. Уже это не позволило сразу наладить конструктивные отношения хана Каипа с российскими властями.

Однако в дальнейшем эти отношения еще больше ухудшились. После гибели хана Абулхаира в 1748 г. российские власти поддержали претензии его сына Нурали на трон Младшего жуза, на который также предъявил права и Батыр. И хивинский хан, конечно же, со своей стороны поддержал отца, направив к нему посольство с признанием его в качестве хана и с богатыми дарами, чтобы тот мог переманить на свою сторону влиятельных султанов и батыров жуза [2, с. 171; 8, с. 102]. В результате был создан прецедент участия Хивинского ханства с казахскими монархами во главе в междоусобицах в Младшем жузе, из которого они происходили и с которым продолжали сохранять тесные связи [13, с. 75]. Правда, оказать более существенную поддержку отцу Каип не мог, поскольку и сам довольно неуверенно чувствовал себя

на хивинском троне и неоднократно обращался к отцу за поддержкой, которую тот и оказывал ему, совершая походы на хивинскую оппозицию в 1748 и 1750 гг. Как писали в Коллегию иностранных дел И. И. Неплюев и А. И. Тевкелев, Каип «силы никакой не имел» [11, с. 86; см. также: 9, с. 95; 10, с. 215]. Забегая немного вперед, отметим, что российские власти, конечно же, не признали прав Батыра и его преемников, которые продолжали претендовать на трон и после его смерти в 1770 г., именуя их каракалпакскими ханами в отличие от легитимных (в глазах Российской империи) ханов Младшего жуза из рода Абулхаира [10, с. 216; 16, № 88, с. 211].

Чувствуя поддержку российских властей, Нурали вступил в открытую вражду с Каипом, нападая на хивинские караваны, причем попытался вовлечь в конфликт и русских. В июне 1750 г. он объяснял переводчику Я. Гуляеву: «...паче всего де мне со всей нашей фамилией полезно было, когда город Хива во владение на нашу фамилию достался, тогда серебра более в десять мер, нежели ныне, вывозу было и всех киргизов в лучшую верность и подобострастие привести мог» [9, с. 101–102]. Однако хан, как и прежде, отнюдь не связывал переход Хивы под власть его семейства с ее принятием в российское подданство и намеревался извлечь выгоды для себя самого. Неудивительно, что российские власти не оказали ему поддержки и, напротив, неоднократно пытались помирить Нурали-хана и с султаном Батыром, и с Хивой [16, № 196–197, с. 510–515]. Их усилия давали некоторый эффект: Каип в 1751 г. направлял послания о дружбе астраханскому губернатору И. О. Брылкину и самой императрице Елизавете Петровне, а в 1752 г. — Нурали-хану, которому предлагал помириться [19, № 135, с. 360–361; 37, № 641–642, с. 322–323]. Но затем вражда возобновлялась [10, с. 221; 13, с. 84–85].

В 1753 г. Каип в очередной раз оказался в затруднительном положении: хивинские сановники намеревались сместить его и пригласить на трон либо Ак-Ходжу, сына покойного хана Ильбарса, либо Ерали-султана, брата Нурали-хана [9, с. 103]⁴. Неудивительно, что даже не слишком влиятельный среди собственных подданных Нурали-хан осмеливался достаточно активно враждовать с ним. Чтобы примирить двух правителей, И. И. Неплюев решил направить собственную миссию в Хиву для объяснений с ханом Каипом. Торговый караван самарского купца Д. Рукавкина, в составе которого находились два оренбургских чиновника — П. Чучалов и Я. Гуляев, — прибыл в Хиву, однако в крайне неудачный момент. Как раз накануне его прибытия Каип, решив укрепить свою власть, расправился с влиятельным хивинским сановником Кураз-беком, многочисленные родственники которого восстановили против него население Аральского владения и туркменские племена и призвали на ханство Ерали-султана — брата Нурали [11, с. 88]. Каипу удалось подавить мятеж и даже захватить в плен Ерали (которого, впрочем, через шесть дней

⁴ С. Д. Атдаев ошибочно считает, что речь идет о Ходжа-Ахмаде — уже скончавшемся к этому времени сыне Абулхаира [4: с. 78].

он отпустил в Степь) [9, с. 120–121], но для этого он конфисковал товары Д. Рукавкина, а русских дипломатов посадил под арест, заподозрив в них шпионов Нурали и даже намереваясь казнить, заявив при этом, что «России вовсе нет дела до разбирательства» его споров с семейством Абулхаира [10, с. 223].

В результате впервые с гибели экспедиции князя Бековича-Черкасского русско-хивинские отношения настолько обострились, причем, как можно увидеть, именно из-за конфликта двух кланов правящего семейства казахского Младшего жуза! Чтобы освободить своих посланцев и при этом не допустить прямых военных действий И. И. Неплюев впервые решился применить в отношении Хивинского ханства экономические санкции, приказав задержать в Оренбурге хивинских купцов. Узнав об этом, Каип немедленно освободил членов каравана Д. Рукавкина [13, с. 85; 29, с. 26]⁵.

Любопытно отметить, что вместе с вернувшимся караваном в Оренбург прибыл хивинский посол... с жалобой на собственного хана Каипа, которого хивинцы надеялись свергнуть при помощи России. По вышеупомянутым причинам российские власти продолжали воздерживаться от прямых военных действий против Хивы. Поэтому 2 апреля 1755 г. Коллегия иностранных дел дала послу ответ, порекомендовав обратиться за помощью к «казахским владельцам» [10, с. 229]. Выбор хивинских дипломатов пал на давнего претендента на хивинский трон — Ерали-султана, брата Нурали, который вскоре решил попытать счастье в борьбе за Хиву. Весьма интересно, что он, в отличие от брата, не пытался получить вооруженную поддержку от России, лишь попросив И. И. Неплюева заплатить выкуп, если он потерпит поражение и попадет в плен. И хотя оренбургский губернатор в принципе одобрил его действия и даже пообещал выплату выкупа, поход не состоялся: ханскому брату не удалось собрать достаточно войск и убедиться в поддержке влиятельных хивинцев, а кроме того, капитан князь Максютов, российский эмиссар в Младшем жузе, сообщил, что этот поход «запретил» султану некий ходжа [18, с. 228].

Непродуманные действия хана Каипа, несмотря на благополучное возвращение каравана Д. Рукавкина в Оренбург, привели к фактическому прекращению русско-хивинских отношений: лишь в 1762 и 1783 гг. в Россию прибывали хивинские посольства, но никаких существенных последствий переговоры с ними не имели [13, с. 87, 91]. Однако это не означало снижения активности казахских правителей в попытках занять хивинский трон, причем с неоднократными попытками вовлечения в свои намерения и российских властей.

Наиболее энергичные действия в этом направлении, как и прежде, предпринимал хан Нурали, содействовавший своим многочисленным родственникам в занятии хивинского трона. Так, 14 февраля 1766 г. он направил послание императрице Екатерине II, в котором сообщал, что его зять Шахгази

⁵ Подобные меры против Хивы и Бухары оренбургские власти применяли несколько раз в XIX в.: к ним прибегали губернаторы В. А. Перовский в 1836 г., А. А. Катенин — в 1858 г., и А. П. Безак — в 1862 г. [26].

(сын Абулгази II и внук Ильбарса) стал хивинским ханом, и теперь «у хивинского народа дела имеют быть при высочайшей е. и. в. державе от меня не в удалении». Впрочем, чтобы его собственный интерес в хивинских делах не так бросался в глаза, он обещал монархине, что поручит зятю обеспечить безопасность караванных путей и решить вопрос с возвратом российских пленников. В очередном послании императрице 21 ноября 1770 г. хан Младшего жуза направил близкое по содержанию послание, сообщая на этот раз, что трон занял его родной племянник султан Агым.

А в послании от 1 сентября 1776 г. (адресованному уже оренбургскому военному губернатору И. А. Рейнсдорпу) Нурали жалуется на изгнание из Хивы своего сына Артук-Гази, которого еще и ограбили по дороге. В ответ на это, писал хан, он разграбил хивинский караван: подобного рода компенсации имущественного ущерба были вполне распространены среди кочевников Центральной Азии. Однако ситуация вышла из-под контроля, в связи с тем что один из караванщиков, попавший в плен к казахам, умер, и хан опасался, что это может существенно подорвать его отношения с Хивой [37, № 490, с. 156, № 508, с. 186, № 550, с. 236; см. также, 18: с. 227].

В 1777 г. уже не сам Нурали, а его сын Пирали, несколькими годами ранее провозглашенный туркменами Мангышлака (номинально признававшими власть хивинских ханов) своим ханом, в свою очередь, направил астраханскому губернатору И. В. Якоби прошение о приеме туркмен в российское подданство. Губернатор переслал его прошение в Коллегию иностранных дел, глава которой, граф И. А. Остерман, ответил, что «настоящее его тухменское ханство еще отнюдь ненадежно, поелику ж, скучась пребыванием своим в народе еще малопослушным, по-прежнему в природную свою киргис-казацкую Орду возвратиться может, или и сами тухменцы от себя его выгонят, выгоняли ж часто и хивинцы своих ханов из киргис-казацких солтанов выбираемых» [17, с. 192].

Как видим, все эти ханские послания содержали прозрачный намек на необходимость российской помощи для укрепления позиций семейства Нурали в Хивинском ханстве. Однако имперские власти вполне благоразумно не реагировали, видя, что «игра в ханы» не позволит установить прочного контроля над Хивой и не принесет экономических выгод. И для российской администрации не было секретом, что казахские ханы, как и их узбекские соперники на троне Хивы, являлись всего лишь марионетками — ставленниками тех или иных политических сил в ханстве [1, с. 22; 10, с. 211–212; 23, с. 49].

Возвышение Инаков (Кунгратов) (1770-е гг. – начало XIX в.). Лишь в 1770-е гг. ситуация в Хивинском ханстве несколько стабилизировалась: Мухаммад-Амин, инак (наместник) Хивы из рода Кунграт сумел одержать победу над другими могущественными кланами узбекских эмиров и взять под контроль ситуацию в ханстве. Он передал власть над Хивой своему сыну Авазу, также унаследовавшему статус инака, чье положение еще больше укрепилось благодаря тому,

что в 1790 г. умер хан Нурали, а годом позже — его многолетний соперник Каип, в результате чего, как отмечают современные исследователи, завершилась эпоха казахских ханов, которые не только вели себя самостоятельно в собственных владениях, но и активно вмешивались в дела соседних ханств [2, с. 196].

На трон Хивы продолжали возводиться номинальные ханы из рода Чингисхана, но уже ни у кого не возникало сомнений, что реальная власть сосредоточена в руках инаков из рода Кунграт. Неудивительно, что очередное хивинское посольство в Россию в 1793 г. пришло уже не от имени хана, а от Аваза-инака, который просил российские власти прислать к нему врача, чтобы тот помог его дяде, потерявшему зрение. Имперские власти, приняв во внимание изменение ситуации в ханстве, на этот раз отреагировали положительно и направили в качестве такого медика майора Е. И. Бланкеннагеля [13, с. 91–93], записки которого содержат весьма интересную информацию о политической ситуации в ханстве и его международных связях.

Согласно сведениям майора-медика, на хивинском троне в это время находился некий «каракалпацкий хан», который «в правительстве значит меньше всех; три раза в год показывается он народу, окруженный теми, которые делами правят; в прочее же время сидит взаперти под строгим присмотром. В придворном его содержании не соблюдается даже благопристойности, и нередко в самом необходимом претерпевает нужду» [14, с. 12]. Ничтожность статуса хана подчеркивается тем, что Бланкеннагель даже не удосужился назвать его имени, либо так и не узнав его, либо сочтя эту деталь столь же незначительной, как и сам номинальный правитель. Хивинский историк первой трети XIX в. Шир-Мухаммад Мираб Мунис упоминает этого хана под именем Абу-л-Гази IV, сын Абдаллаха [31, с. 94; 41, р. 81]. Тот факт, что он был назван «каракалпацким ханом», позволяет отнести его к потомству вышеупомянутого хана Батыра. В таком случае его отец Абдаллах — это султан Карабай, сын Батыра и брат Каипа, краткое время занимавший хивинский трон после бегства Каипа в 1757 г., а сам Абу-л-Гази, следовательно, племянник Каипа (см. также: [10, с. 237–238; 24, с. 436–437; ср.: 33, с. 287]).

Незначительность хана, вероятно, ввела в заблуждение Е. И. Бланкеннагеля, и он поспешил объяснить ее продолжением внутренних беспорядков в ханстве, высказав мысль, что Хива находится в политическом упадке и легко может быть завоевана русскими. По его словам, достаточно было пяти тысяч солдат и нескольких тысяч казаков, которые после завоевания ханства могли бы поселиться здесь для обеспечения имперского контроля. Внутри ханства их, по мнению майора, должны были поддержать тысячи русских и особенно персидских пленных, которые помогут любому врагу Хивы.

Наибольший интерес вызывает суждение Бланкеннагеля о результатах такого похода: в отличие от своих предшественников первой половины XVIII в., он считает наиболее важным не открытие пресловутого пути в Индию,

а то, что «меньшая Киргизказацкая орда, между Оренбургом и Аральским озером находящаяся, могла бы быть совершенно покорна России» [14, с. 20; см. также: 24, с. 460]. Таким образом, даже к концу XVIII в. Россия достаточно тесно увязывала ситуацию в Хивинском ханстве с собственной политикой в Казахской степи.

Изменившуюся ситуацию в Хиве и усиление влияния временщиков-инаков Е. И. Бланкеннагель не принял во внимание, что, как ни странно, оказалось более очевидным для имперских властей, которые не оказали поддержки проекту майора. И, как оказалось, были правы: все больше урезая права своих ставленников-ханов, Кунграты усиливали собственные позиции и в 1804 г. сами заняли ханский престол. А уже несколькими годами позже эти ханы, не принадлежавшие к роду Чингис-хана стали распространять свой контроль на казахских правителей Младшего жуза, время от времени даже провозглашая некоторых из них ханами, но уже в качестве собственных вассалов. Однако это тема для отдельного исследования.

Заключение. Вышеприведенные наблюдения позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, приход казахских ханов к власти в Хивинском ханстве отнюдь не был результатом российской политики в регионе. Более того, в ряде случаев имперские власти прямо предписывали казахским правителям не предпринимать попыток занятия хивинского трона. Напротив, занятие престола Хивы казахскими султанами увеличивало вовлечение ханства в дела Младшего жуза, поскольку хивинские ханы активно участвовали в казахских междоусобицах на стороне своих отцов, братьев и т. д. Впоследствии эта тенденция была продолжена и новыми хивинскими монархами из рода Кунгратов.

Во-вторых, активизация российско-хивинских связей в рассматриваемый период происходила в большей степени по инициативе казахских правителей, которые при этом хотели играть ведущую роль в поддержании контактов Российской империи с Хивинским ханством.

Наконец, можно утверждать, что пребывание казахских ханов на троне Хивы представляет значительный интерес именно в контексте российско-казахских отношений. Оно позволяет прояснить ряд особенностей взаимоотношений имперских властей и казахских вассальных правителей в XVIII в., специфику понимания казахами своего вассального положения и особенности статуса отдельных ханов и султанов из числа как признаваемых, так и не признаваемых Россией в их статусе.

Список источников

1. Абдурасулов У. От Арабшахидов к Кунградам: динамика и политический ландшафт Хорезма в период правления двух династий // *O'zbekiston tarixi*. 2013. № 2. С. 17–32.
2. Акимбеков С. М. Казахстан в Российской империи. Алматы: Ин-т азиатских исследований, 2018. 562 с.

3. Аллаева Н. А. История внешних связей Хивинского ханства в XVI – 70-х годах XIX в.: автореф. ... д-ра ист. наук. Ташкент: Б. и., 2019. 82 с.
4. Атдаев С. Д. Туркмены Хивинского ханства в XVIII веке. Казань: ИГМА-Пресс, 2010. 130 с.
5. Базиленко И. В. Очерки истории российско-иранских отношений (конец XVI – начало XX вв.). СПб.: Аргус СПб, 2017. 432 с.
6. Бирзе А. К истории каракалпаков XVIII в. // Красный архив. 1939. № 1 (92). С. 177–213.
7. Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. Барнаул: Азбука, 2003. 217 с.
8. Васильев Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
9. Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайыр хана (1748–1765 гг.) // Букеевской Орде 200 лет: в 6 кн. Кн. 1. Алматы: Өлке, 2001. С. 7–161.
10. Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1877. VIII + 364 с.
11. Добросмыслов А. К истории наших сношений с Хивой. Донесение переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова канцелярии Оренбургского губернатора о прибытии их в Хиву, о событиях, происходивших в это время в Хивинском ханстве, и о стеснениях, каким они подвергались по распоряжению хана // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год XIV. Ташкент: Б. и., 1910. С. 69–90.
12. Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. 3-е изд., испр. и доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
13. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: Типолитография Н. И. Евстифеева, 1915. XII, 215 с.
14. Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793–94 годах. СПб.: Типография Морского министерства, 1858. 32 с.
15. История Казахстана в русских источниках. Т. III. Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) / сост., историограф. очерк и коммент. И. В. Ерофеевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.
16. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. XVI, 743 с.
17. Кундакбаева Ж. Б. «Нынешнее требование трухменского хана весьма есть удобное к исполнению». Документы Архива внешней политики Российской империи. 1775–1778 гг. // Исторический архив. 2005. № 5. С. 186–206.
18. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
19. Материалы по истории Казахской ССР. Т. II. Ч. 2 (1741–1751 гг.) / сост. М. П. Вяткин. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. 456 с.
20. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. I. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 441 с.
21. Материалы поездки поручика Оренбургского драгунского полка Дмитрия Гладышева и геодезиста Ивана Муравина из Оренбурга в Хиву к хану Абулхаиру

(5 ноября 1740 – апрель 1741 г.) // История Казахстана в русских источниках: в 10 т. Т. VI: Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 56–77.

22. Муравин И. Журнал описания киргис-кайсакам, каракалпакам, аральцам и хивинцам, и кто какое имеет довольствие, и каким манером носят платья, при сем прилагается всем порознь описание; и как Абулхаир-хан посылал меня к персическому шаху с грамотой, которая прислана от е. и. в., и что чинилось, также прилагается описание. Описано месяца ноября 1740 году // История Казахстана в русских источниках: в 10 т. Т. VI: Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 78–85.

23. Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 496 с.

24. Ниязатов М. Россия в сердце Азии: диалог цивилизаций (IX–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. 512 с.

25. Почекаев Р. Ю. К истории «буферных государств» на границах России: Аральское владение и его роль в русско-хивинских отношениях. XVIII–XIX вв. // Восточный архив. 2015. № 1 (31). С. 12–18.

26. Почекаев Р. Ю. Экономические санкции Российской империи против Хивинского ханства в XVIII и XIX вв.: причины, правовое оформление, эффективность // Вопросы правоведения. 2016. № 3. С. 200–215.

27. Разумовская В. Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. // Красный архив. 1939. № 2 (93). С. 209–255.

28. Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад: АН Туркменской ССР, 1963. 585 с.

29. Руссов С. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г. с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен донныне. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1840. 56 с.

30. Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Оренбургский губернский статистический комитет, 1896. 93 с.

31. Самойлович А. Н. Сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX в. о хивинско-каракалпакских отношениях // Материалы по истории каракалпакков / ред. А. Н. Самойлович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 91–134.

32. Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в начале XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 247 с.

33. Темиргалиев Р. Казахские чингизиды на престоле Хивинского ханства // Қазақ хандығының құрылуының 550-жылдығына арналған «МӘҢГІЛІК ЕЛ» халық. ғыл.-практ. конф. матер. (11 қыркүйек 2015 жыл) / Материалы меж. науч.-практ. конф. «МӘҢГІЛІК ЕЛ» посвященной 550-летию Казахского ханства (11 сентября 2015 года) / Source book of the inter. scient. and pract. conf. «MANGILIK EL» dedicated to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate (September 11, 2015) / Б. Ф. Аяғанның редакциясымен. Астана: Мемлекет тарихы институты, 2016. С. 282–299.

34. Торопицын И. В. Хивинский прецедент. Среднеазиатская политика хана Младшего жуза Абулхаира в 1730–1740-е гг. и реакция на нее российских властей // «Дулатова оқулары: тарих ғылымы және қазіргі Қазақстан, Ресей мен Орталық Азия мемлекеттеріндегі тарихты оқыту» атты көрнекті қазақстандық тарихшы, ғылымды ұйымдастырушы, профессор Дина Исабайқызы Дулатованың 80 жылдық мерейтойына

арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары / жауапты редакторы және құрастырушы Ж.Б. Құндақбаева [Материалы международной научной конференции «Дулатовские чтения: историческая наука и преподавание истории в современном Казахстане, России и государствах Центральной Азии, посвященной 80-летию со дня рождения водинокого казахстанского историка, организатора науки, профессора Дина Исабаевны Дулатовой, 31 марта – 1 апреля 2011 г.]. Алматы: Қазақ университеті, 2011. С. 66–74.

35. Шалекенов М. У. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII–XIX вв. Алматы: Ғылым, 1995. 422 с.

36. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сб. исторических документов в двух томах. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / автор проекта, введения, биографий ханов, науч. коммент.; сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 696 с.

37. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сб. исторических документов в двух томах. Т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. / автор проекта, введения, биографий ханов, науч. коммент.; сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 1032 с.

38. Durand M. Nadir Shah. London: Archibald Constable and Co Ltd., 1908. XII + 352 p.

39. Lockhart L. Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London: Luzak & Co, 1938. XII + 344 p.

40. Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand) / Trad. par. Ch. Schefer. Paris: Ernest Leroux, 1876. 306 p.

41. Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi. Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / Transl. from Chagat. & annot. by Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. LXXVII + 718 p.

References

1. Abdurasulov U. Ot Arabshakhidov k Kungradam: dinamika i politicheskii landshaft Khorezma v period pravleniia dvukh dinastii [From Arabshahids to Kungrad: Dynamics and Political Landscape of Khorezm during the Reign of Two Dynasties] // O'zbekiston tarixi. 2013. № 2. S. 17–32. (In Russ.).

2. Akimbekov S. M. Kazakhstan v Rossiiskoi imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty: In-t aziatskikh issledovani, 2018. 562 s. (In Russ.).

3. Allaeva N. A. Istoriia vneshnikh sviazei Khivinskogo khanstva v XVI – 70-kh godakh XIX v. [The history of external relations of the Khiva Khanate in the 16th – 70s of the 19th century]: avtoref. ... d-ra ist. nauk. Tashkent: B. i., 2019. 82 s. (In Russ.).

4. Atdaev S. D. Turkmeny Khivinskogo khanstva v XVIII veke [Turkmens of the Khiva Khanate in the 18th century]. Kazan': IGMA-Press, 2010. 130 s. (In Russ.).

5. Bazilenko I. V. Ocherki istorii rossiisko-iranskikh otnoshenii (konets XVI – nachalo XX vv.) [Essays on the history of Russian-Iranian relations (late 16th – early 20th century)]. St. Petersburg: Argus SPb, 2017. 432 s. (In Russ.).

6. Birze A. K istorii karakalpakov XVIII v. [To the history of the Karakalpaks of the 18th century] // Krasnyi arkhiv. 1939. № 1 (92). S. 177–213. (In Russ.).

7. Boronin O. V. Dvoedannichestvo v Sibiri [Double tribute in Siberia]. Barnaul: Azbuka, 2003. 217 s. (In Russ.).

8. Vasil'ev D. V. Rossiia i Kazakhskaiia step': administrativnaia politika i status ukrainy. XVIII – pervaiia polovina XIX veka [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. XVIII – first half of the XIX century]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2014. 471 s. (In Russ.).

9. Vel'iaminov-Zernov V. V. Istoricheskie izvestiia o kirgiz-kaisakakh i snosheniakh Rossii so Srednei Aziei so vremeni konchiny Abul-Khaiyr khana (1748–1765 gg.) [Historical news about the Kirghiz-Kaisaks and relations between Russia and Central Asia since the death of Abul-Khayyr Khan (1748–1765)] // Bukeevskoi Orde 200 let: v 6 kn. Kn. 1. Almaty: Ælke, 2001. S. 7–161. (In Russ.).

10. Veselovskii N. I. Ocherk istoriko-geograficheskikh svedenii o Khivinskom khanstve ot drevneishikh vremen do nastoiashchego. St. Petersburg: Tipografiia br. Panteleevykh, 1877. VIII + 364 s. (In Russ.).

11. Dobromyslov A. K istorii nashikh snoshenii s Khivoi. Donesenie perevodchika Guliaeva i kantseliarista Chuchalova kantseliarii Orenburgskogo gubernatora o pribytii ikh v Khivu, o sobytiakh, proiskhodivshikh v eto vremia v Khivinskom khanstve, i o stesneniakh, kakim oni podvergalis' po rasporiazheniiu khana // Protokoly zasedanii i soobshcheniia chlenov Turkestantskogo kruzha liubitelei arkheologii. God XIV. Tashkent: B. i., 1910. S. 69–90. (In Russ.).

12. Erofeeva I. V. Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. 3-e izd., ispr. i dop. Almaty: Daik-Press, 2007. 456 s. (In Russ.).

13. Zhukovskii S. V. Snosheniia Rossii s Bukharoi i Khivoi za poslednee trekhstotletie [Russia's relations with Bukhara and Khiva over the last three hundred years]. Petrograg: Tipolitografiia N. I. Evstifeeva, 1915. XII, 215 s. (In Russ.).

14. Zamechaniia maiora Blankennagelia vposledstvie poezdki ego iz Orenburga v Khivu v 1793–94 godakh. St. Petersburg: Tipografiia Morskogo ministerstva, 1858. 32 s. (In Russ.).

15. Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh. T. III. Zhurnaly i sluzhebnye zapiski diplomata A. I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731–1759 gg.) / sost., istoriogr. ocherk i komment. I. V. Erofevoi. Almaty: Daik-Press, 2005. 484 s. (In Russ.).

16. Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVI–XVIII vekakh (sbornik dokumentov i materialov). Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1961. XVI, 743 s. (In Russ.).

17. Kundakbaeva Zh. B. «Nyneshnee trebovanie trukhmenskogo khana ves'ma est' udobnoe k ispolneniiu». Dokumenty Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi imperii. 1775–1778 gg. [“The current demand of the Trukhmen khan is very convenient for execution”. Documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire. 1775–1778] // Istoricheskii arkhiv. 2005. № 5. S. 186–206. (In Russ.).

18. Levshin A. I. Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaysak hordes and steppes]. Almaty: Sanat, 1996. 656 s. (In Russ.).

19. Materialy po istorii Kazakhskoi SSR. T. II. Ch. 2 (1741–1751 gg.) / sost. M. P. Viatkin. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1948. 456 s. (In Russ.).

20. Materialy po istorii politicheskogo stroia Kazakhstana (so vremeni prisoedineniia Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii). T. I. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1960. 441 s. (In Russ.).

21. Materialy poezdki poruchika Orenburgskogo dragunskogo polka Dmitriia Gladysheva i geodezista Ivana Muravina iz Orenburga v Khivu k khanu Abulkhairu (5 noiabria

1740 – aprel' 1741 g.) // Istoriiia Kazakhstana v russkikh istochnikakh: v 10 t. T. VI: Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po iuzhnym stepiam. XVIII–XIX veka / sost. I. V. Erofeeva, B. T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 2007. S. 56–77. (In Russ.).

22. Muravin I. Zhurnal opisaniia kirgis-kaisakam, karakalpakam, aral'tsam i khivintsam, i kto kakoe imeet dovol'stvie, i kakim manerom nosiat plat'ia, pri sem prilagaetsia vsem porozn' opisanie; i kak Abulkhair-khan posylal menia k persitskomu shakhu s gramotoi, kotoraiia prislana ot e. i. v., i chto chinilos', takzhe prilagaetsia opisanie. Opisano mesiatsa noiabria 1740 godu // Istoriiia Kazakhstana v russkikh istochnikakh: v 10 t. T. VI: Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po iuzhnym stepiam. XVIII–XIX veka / sost. I. V. Erofeeva, B. T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 2007. S. 78–85. (In Russ.).

23. Niiazmatov M. Poisk konsensusa. Rossiisko-khivinskie geopoliticheskie otnosheniia v XVI – nachale XX v. [Search for consensus. Russian-Khiva geopolitical relations in the 16th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2010. 496 s. (In Russ.).

24. Niiazmatov M. Rossiia v serdtse Azii: dialog tsivilizatsii (IX–XVIII vv.) [Russia in the heart of Asia: Dialogue of civilizations (IX–XVIII centuries)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2013. 512 s. (In Russ.).

25. Pochekaev R. Iu. K istorii «bufernykh gosudarstv» na granitsakh Rossii: Aral'skoe vladenie i ego rol' v russko-khivinskikh otnosheniakh. XVIII–XIX vv. [On the history of “buffer states” on the borders of Russia: Aral possession and its role in Russian-Khiva relations. XVIII–XIX centuries] // Vostochnyi arkhiv. 2015. № 1 (31). S. 12–18. (In Russ.).

26. Pochekaev R. Iu. Ekonomicheskie sanktsii Rossiiskoi imperii protiv Khivinskogo khanstva v XVIII i XIX vv.: prichiny, pravovoe oformlenie, effektivnost' [Economic sanctions of the Russian Empire against the Khiva Khanate in the 18th and 19th centuries: reasons, legal form, efficiency] // Voprosy pravovedeniia. 2016. № 3. S. 200–215. (In Russ.).

27. Razumovskaia V. Iz istorii snosheniia Rossii s turkmenami v XVIII v. [From the history of relations between Russia and the Turkmen in the 18th century] // Krasnyi arkhiv. 1939. № 2 (93). S. 209–255. (In Russ.).

28. Russko-turkmenskie otnosheniia v XVIII–XIX vv. (do prisoedineniia Turkmenii k Rossii) [Russian-Turkmen relations in the 18th – 19th centuries (before the accession of Turkmenistan to Russia)]. Ashkhabad: AN Turkmenskoi SSR, 1963. 585 s. (In Russ.).

29. Russov S. Puteshestvie iz Orenburga v Khivu samarskogo kuptsa Rukavkina v 1753 g. s priobshcheniem raznykh izvestii o Khive s otdalennykh vremen donyue. St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1840. 56 s. (In Russ.).

30. Rychkov P. I. Istoriiia Orenburgskaia (1730–1750). Orenburg: Orenburgskii gubernskii statisticheskii komitet, 1896. 93 s. (In Russ.).

31. Samoilovich A. N. Sokrashchennyi perevod otryvkov iz khivinskikh khronik XIX v. o khivinsko-karakalpakskikh otnosheniakh // Materialy po istorii karakalpakov / red. A. N. Samoilovich. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. S. 91–134. (In Russ.).

32. Suleimenov B. S., Basin V. Ia. Kazakhstan v sostave Rossii v nachale XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the early 18th – early 20th centuries]. Alma-Ata: Nauka, 1981. 247 s. (In Russ.).

33. Temirgaliev R. Kazakhskie chingizidy na prestole Khivinskogo khanstva [Kazakh Genghisids on the throne of the Khiva Khanate] // Қазақ хандығының құрылуының 550-жылдығына арналған «МӘҒИЛИК ЕЛ» khalyq. ryl.-prakt. konf. mater. (11 kyrkyiek 2015 zhyly) / Materialy mezh. nauch.-prakt. konf. «MƏҒILIK EL» posviashchennoi 550-letiiu Kazakhskogo khanstva (11 sentiabria 2015 goda) / Source book of the inter.

scient. and pract. conf. «MANGILIK EL» dedicated to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate (September 11, 2015) / B. F. Алағанұң redaksiiasymen. Astana: Memleket tarikhly instituty, 2016. S. 282–299. (In Russ.).

34. Toropitsyn I. V. Khivinskii pretsedent. Sredneaziatskaia politika khana Mladshego zhuza Abulkhaira v 1730–1740-e gg. i reaktsiia na nee rossiiskikh vlastei [Khiva precedent. Central Asian policy of the Younger Zhuz Khan Abulkhair in the 1730s – 1740s. and the reaction of the Russian authorities to it] // «Dulatova okulary: tarikh fylymy zhәне qazirgi Qazaqstan, Resei men Ortalyq Aziia memleketterindegi tarikhty oqytu» atty kornekti qazaqstandyq tarikshy, fylymdy yiymdastyrushy, professor Dina Isabaikyzy Dulatovanuң 80 zhyldyq mereitoiyna arnalған khalyqaralyq fylymi konferentsiia materialdary / zhaupty redaktory zhәне qyrastyrushy Zh.B. Qyndaqbaeva [Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Dulatovskie chteniia: istoricheskaiia nauka i prepodavanie istorii v sovremen-nom Kazakhstane, Rossii i gosudarstvakh Tsentral’noi Azii, posviashchennoi 80-letiiu so dnia rozhdeniia vodinogo kazakhstanskogo istorika, organizatora nauki, professora Dina Isabaevny Dulatovoi, 31 marta – 1 apreliia 2011 g.]. Almaty: Qazaq universiteti, 2011. S. 66–74. (In Russ.).

35. Shalekenov M. U. Vzaimootnosheniia narodov Priaral’ia v XVIII–XIX vv. [Mutual relations of the peoples of the Aral Sea region in the 18th – 19th centuries] Almaty: Fylym, 1995. 422 s. (In Russ.).

36. Epistoliarnoe nasledie kazakhskoi praviashchei elity 1675–1821 godov. Sb. istoricheskikh dokumentov v dvukh tomakh. T. I. Pis’ma kazakhskikh pravitelei. 1675–1780 gg. / avtor proekta, vvedeniia, biografii khanov, nauch. komment.; sost. i otv. red. I. V. Erofeeva. Almaty: ABDI Kompani, 2014. 696 s. (In Russ.).

37. Epistoliarnoe nasledie kazakhskoi praviashchei elity 1675–1821 godov. Sb. istoricheskikh dokumentov v dvukh tomakh. T. II. Pis’ma kazakhskikh pravitelei. 1738–1821 gg. / avtor proekta, vvedeniia, biografii khanov, nauch. komment.; sost. i otv. red. I. V. Erofeeva. Almaty: ABDI Kompani, 2014. 1032 s. (In Russ.).

38. Durand M. Nadir Shah. London: Archibald Constable and Co Ltd., 1908. XII + 352 p. (In Russ.).

39. Lockhart L. Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London: Luzak & Co, 1938. XII + 344 p.

40. Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l’Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand) / Trad. par. Ch. Schefer. Paris: Ernest Leroux, 1876. 306 p.

41. Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi. Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / Transl. from Chagat. & annot. by Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. LXXVII + 718 p.